

ветская власть открыла широкие возможности для его развития и обогащения.

Большое значение имеет материал, раскрывающий вариативность современного удмуртского языка на разных его уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом), который подтверждает смешанный характер диалектной основы удмуртского литературного языка. Б. И. Каракулов снабдил его комментариями, которые в будущем могут оказать содействие в становлении норм литературного языка.

В заключении дается резюме всего изложенного. Завершается исследование списком условных сокращений и источников, перечнем использованной литературы.

Таким образом, работа Б. И. Каракулова отражает многолетний опыт исследований автором проблем становления и развития удмуртского языка, его диалектной основы, графики, орфографии, лексики, морфологии и частично синтаксиса.

Высоко оценивая ее, хочется указать и на некоторые недоработки. 1) При анализе письменных памятников XVIII века в ряде случаев дается излишнее описание самих памятников и меньше внимания уделяется лингвистическому анализу их.

2) В работе весьма значима II глава, которая излагает нормативные положения современного удмуртского литературного языка. Она имеет прямой выход в практику печатного слова, в школьное и вузовское обучение. Поэтому наряду с проанализированными в ней официальными материалами и периодическими изданиями автору следовало привлечь и художественную литературу. 3) По сравнению с фонетикой, морфологией, лексикой недостаточно разработан синтаксис удмуртского языка, слабо рассмотрены тенденции его обогащения под влиянием русского языка. 4) Желательно было бы привлечение и диалектологических материалов Б. Мункачи, Ю. Вихмана и др. Они обогатили бы историческую часть работы. Высказанные замечания не умаляют общего значения исследования, внесшего заметный вклад в удмуртскую филологию.

Основные положения работы будут способствовать дальнейшим лингвистическим и литературоведческим исследованиям, они могут быть использованы при составлении учебников и пособий по истории удмуртского литературного языка для высших учебных заведений.

С. К. БУШМАКИН,
Г. Н. НИКОЛЬСКАЯ (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.1.19>

Н. Н. Коваленко, Инфинитные глагольные формы в системе зависимой предикации (на материале нгансанского языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1986.

27 марта 1986 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова состоялась защита кандидатской диссертации Н. Н. Коваленко. Исследование выполнено под руководством доктора филологических наук М. И. Черемисиной (Новосибирск). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Ф. А. Литвин и кандидат филологических наук И. П. Сорокина.

Синтаксис сложного предложения самодийских языков исследован мало. Существует мнение, что в этих языках

сложное предложение вообще отсутствует. То логическое соотношение, которое в индоевропейских языках передается сложными предложениями, в самодийских передается особыми синтаксическими построениями с глагольными именами, причастиями, деепричастиями. Предложения с такими конструкциями считаются по структуре простыми, но по значению близкими к сложным. Поэтому представляется несомненно актуальной тема работы, которая стала первым исследованием, специально посвященным детальному анализу инфинитных форм глагола в системе полипредикативного синтаксиса нгансанского языка. Работа основана на об-

ширном лингвистическом материале, собранном автором в ходе экспедиций на Таймыр — в места расселения нганасан.

Для решения основной проблемы Н. Н. Коваленко описывает состав инфинитных форм и определяет круг значений каждой из них; выявляет принципиальные отличия инфинитных форм глагола от собственно глагольных финитных форм; описывает полипредикативные конструкции, в которых данные инфинитные формы выступают в функции зависимого сказуемого в составе осложненного или сложного предложения; выявляет круг значений полипредикативных конструкций, в которых участвуют данные инфинитные формы.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и трех приложений. Во введении определяются цели, задачи исследования, кратко излагается история изучения нганасанского языка, приводятся сведения об информантах.

В первой главе сообщаются основные термины и понятия полипредикативного синтаксиса в рамках общей концепции, разрабатываемой новосибирской школой под руководством Е. И. Убрятовой и М. И. Черемисиной. Автор вполне обоснованно приходит к выводу о том, что в нганасанском языке имеется ряд инфинитных форм, которые в отличие от неизменяемых русских инфинитных форм могут спрягаться. К таким формам она относит пять причастий, два деепричастия, супин и одно имя действия. Вводит понятие монособъектной и разносубъектной конструкции и фиксируется, что соотносимость глагольных форм с одним или разными субъектами находит выражение в оформлении их лично-притяжательными аффиксами. Автор говорит о взаимной противопоставленности двух типов этих лично-притяжательных аффиксов. Здесь следует заметить, что в нганасанском языке, как и во всех северносамодийских языках, имеется и третий ряд лично-притяжательных суффиксов, который в работе не упоминается. Интерпретируя по-своему первые два ряда, следовало бы дать толкование и третьего, тем более что вопрос о лично-притяжательном оформлении — один из наименее изученных в самодистике, о чем упоминает и автор.

Вторая глава содержит описание причастий. Н. Н. Коваленко выделяет пять

причастных форм и подробно излагает функции каждой. Она фиксирует два типа предложений с причастиями: простые предложения с распространенным причастием — определением и полипредикативные конструкции с причастием, имеющим в составе указание на собственный субъект. Автор обнаружила, что определение и определяемое в нганасанском языке согласуются в лице и числе. Этот факт особенно интересен, поскольку он нерегулярно прослеживается во всех самодийских языках. Однако автор постоянно забывает о согласовании по числу в глаголе. Часто в примерах глагол приведен без показателя множественного числа в нарушении известных норм нганасанской морфологии.

Третья глава посвящена деепричастиям. Она не совсем удачна композиционно. Непонятно, почему в середине описания деепричастий помещен раздел о супине. Естественней было бы рассмотреть сначала обе формы деепричастий, а затем уже супин. Анализируя условно-деепричастную форму, автор не выявила все ее возможные функции. Уже из примеров следует, что эта форма имеет временные субкатегории и тем самым ее функции должны быть шире, чем указано в работе.

В четвертой главе рассматриваются имена действия. Основное внимание сосредоточено на одной из пяти их форм, остальные упоминаются лишь вскользь. Имена действия — именно тот класс слов, который в нганасанском языке вообще не получил освещения; более подробная информация о них безусловно вела бы новый материал в данную работу. При описании имен действия автор не до конца последовательна в выбранной ею концепции полипредикативного синтаксиса. Подстрочные переводы в данной главе даны так, как это принято при альтернативной концепции, утверждающей отсутствие в самодийских языках сложного предложения.

В пятой главе описываются аналитические конструкции. Автор выделяет три типа аналитических конструкций, в которых выступают причастные и деепричастные формы. Интересны аналитические полипредикативные конструкции со значением времени, в которых вспомогательный глагол присоединяет аффикс дательного

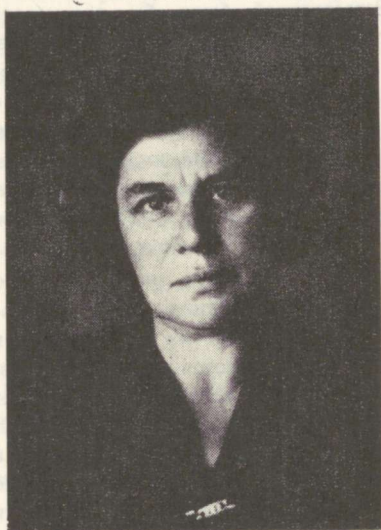
местного падежа. Подобные конструкции имеются и в близкородственных самодийских языках.

Работа в целом представляет собой первый опыт анализа на современном теоретическом уровне инфинитных форм глагола в нганасанском языке. Результаты работы могут быть в дальнейшем использованы при анализе синтаксиса других

самодийских языков, а также при разработке их сравнительной грамматики. Кроме того, автор вводит в научный обиход большое количество новых интерпретаций, языковых данных, которые представляют несомненный интерес для специалистов по самодийским и финно-угорским языкам.

И. П. СОРОКИНА (Ленинград)

NATAL'JA TEREŠČENKO

Am 13. September 1987 schied für immer aus unserer Mitte die hervorragende sowjetische Samojedologin, das langjährige Mitglied des Redaktionskollegiums der vorliegenden Zeitschrift, Philologiedoktor Natal'ja Tereščenko.

Die Ukrainerin Natal'ja Mitrofanovna Tereščenko wurde am 17. März 1908 in der Siedlung Novo-Nikol'skoje im Gouvernement Caricyn (heute Siedlung Vorosilov des Gebiets Volgograd) geboren. Ihr Vater war bei der Forstwirtschaft angestellt, ihre Mutter Lehrerin. Natal'ja ging in Caricyn (Volgograd) und Sara-

tov zur Schule. Im Zusammenhang mit der Mobilisierung von Komsomolmitgliedern für die pädagogische Arbeit nahm sie 1929 an einem dreimonatigen in Archangelsk stattfindenden Ausbildungslehrgang teil und ging anschließend als Lehrer-Erzieher und Pionierleiter in die nenzische Grundschule des Dorfes Tel'visk im neugeschaffenen Nationalen Kreis der Nenzen. So kam es zu den ersten Kontakten mit dem nenzischen Volk und seiner Sprache.

Nachdem sie fast ein Jahr in dieser Schule gearbeitet hatte, war sie Sekretärin in Saratov und Moskau. 1931 delegierte sie das Komitee des Nordens und die Volksbildungsabteilung des Gebiets Archangelsk an das Pädagogische Institut «A. I. Herzen» in Leningrad zum Studium der russischen und nenzischen Sprache und Literatur, das sie 1935 abschloß. Bereits seit 1933 hatte sie in der Abteilung des Nordens dieses Instituts Nenzisch gelehrt. 1935 nahm N. Tereščenko hier eine Aspirantur auf, die sie erst 1940 beenden konnte, weil sie in dieser Zeit für zwei Jahre zum Übersetzen massenpolitischer Literatur in die nenzische Sprache verpflichtet wurde.

Im Jahre 1940 verteidigte sie an der Universität Leningrad ihre Kandidatendissertation zum Thema Категория определения в ненецком языке, wurde wissenschaftliche Mitarbeiterin des Instituts der Völker des Nordens und Leiterin der lin-